

Ашик и его сокровища

ГОРДОСТЬ ЯРОСЛАВЛЯ

Вчера в Ярославском художественном музее открылась выставка, посвященная 100-летию Виктора Владимировича Ашика (1905 – 1985). Двадцать лет назад его имя навсегда вошло в историю музея и всего города.

В. В. Ашик принадлежал к плеяде «секретных» ученых, имена которых многие годы были известны только в профессиональном кругу, хотя он работал не на космос, а проектировал военные суда: линкоры, легкие и тяжелые крейсера, корабли ПВО, специальные океанографические суда – те, которые в военные и послевоенные годы составили мощь и славу Военно-морского флота страны.

С 1943 года он главный конструктор и одновременно главный инженер одного из крупнейших ЦКБ. Доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники, профессор кафедры проектирования судов Ленинградского кораблестроительного института, дважды лауреат Государственной премии, кавалер пяти орденов, он был довольно замкнутым и не очень общительным человеком – как в силу своей профессии, так и своих увлечений. Выдающийся кораблестроитель, он в то же время был крупнейшим коллекционером, потрясающим знатоком русского искусства, истории и культуры. К нему обращались за консультациями искусствоведы Русского музея, Эрмитажа, Исторического музея, университета, Академии художеств.

Дом его представлял собой огромное собрание картин, книг, рисунков, акварелей, миниатюр, старинного художественного стекла, фарфора и фаянса, памятных знаков и медалей.

По счастливому стечению обстоятельств незадолго до смерти состоялась встреча Виктора Владимировича и работников Ярославского художественного музея. В 1986 году музей заключил договор с наследниками о поэтапном приобретении его коллекции, и при поддержке правительства Ярославской области в течение пяти лет эта беспрецедентная акция была завершена.

Музейное собрание в результате возросло более чем вдвое. Было закуплено свыше 20 тысяч предметов, в том числе 14 тысяч произведений живописи, графики, нумизматики, декоративно-прикладного искусства, мебели. Фамилии художников говорят сами за себя: Аргунов, Гау, Молinari, Грабарь, Коровин, Дубовской, Юон, Бенуа, Сомов, Кузнецов, Кустодиев, Петров-Водкин, Бакст, Лансере. Огромные собрания эскибриса и нумизматики составили новые коллекции музея, которых раньше просто не существовало, в музей поступили великолепная библиотека более чем из восьми тысяч томов и архив семьи.

Выставка, которая открылась вчера, называется «Семейное призвание (Коллекции Ашиков)». Уникальное собрание формировалось в течение двух столетий. Оно было начато в 1825 году его дедом, продолжено отцом, каждый из которых достоин отдельного рассказа.

А сегодня наш рассказ о Викторе Владимировиче Ашике, о нем вспоминает Татьяна Витольдовна Кравчук, директор галереи «Арс-Форум», а тогда научный сотрудник Ярославского художественного музея.

Последний портрет В. В. Ашика. Художник Варлен Пен.

– Как все началось? Вы ведь встречались с Виктором Владимировичем, привезли для закупки первые вещи из его коллекции?

– Осенью 1984 года я приехала в Ленинград, чтобы нащупать возможности для пополнения коллекций Ярославского художественного музея. Вечер, грязь со снегом. Мы выходим от дамы, с которой вели переговоры, вместе с Женей Черепановой, реставратором Эрмитажа. Коллекционеры – народ сложный, иногда достаточно одного неосторожного слова, чтобы контакт прервался. А Женья всех знала, ее тоже знали, и была моим верным проводником.

Так вот выходим, и она говорит, что есть, мол, еще такой Виктор Владимирович Ашик, у него потрясающая коллекция. «Хочешь, познакомлю?» – «Конечно, хочу». – «Тогда я ему сейчас позвоню. Но учти, он человек достаточно крутой. Если что, с лестницы не спустит, но может обойтись сурово».

И мы поехали на Васильевский остров. Старый дом, трехкомнатная квартира, переделанная в двушку. Книжки, стеллажи, старинная мебель и библиейский старец, высокий, худой, с бородой и со взглядом не то чтобы пронзительным, но люблю это слово, с рентгеновским. Спрашивает: «Что бы вы хотели?» – «Я подбираю работы для закупки Ярославским художественным музеем». – «Что вас интересует?» – «Живопись, графика...»

Он достает папки – старые такие, в переплетах под мрамор. Открывает, а там Бакст, Бенуа, Серебрякова, Кустодиев, Лансере... У меня челюсть отпадает – весь цвет XIX – XX веков! Он смотрит на мою реакцию: «Может быть, что-то вас заинтересует?..» Пауза.

Виктор Владимирович встал, начал показывать то, что было развешено на стенах. Обычная квартира, где люди жили много лет, и в то же время видно, что все в ней – вся обстановка, весь уклад – подчинено коллекциям. И главное – все как-то связано одно с другим: картины на стенах, предметы в шкафах и на них,

книги, папки – все «проросшее» друг в друга.

И хотя я прекрасно понимаю, что музей мне таких полномочий не давал, я вдруг сказала: «У меня ощущение, что ни одной вещи вынуть отсюда нельзя. Давайте я приеду в свой

Ярославский музей, расскажу обо всем и предложу купить вашу коллекцию целиком. Не сразу, я понимаю всю сложность такой затеи, но, может быть, частями, постепенно...»

Виктор Владимирович внимательно посмотрел на меня и позвал: «Мадам!» Он жену свою Музу Михайловну так называл, она в это время была в другой комнате: «Мадам, ты слышишь, какое предложение мне делают?» Она вошла, они перекинулись несколькими словами, и вот я слышу: «А почему бы не попробовать!»

Ситуация, которая возникла дальше, называется «и тут Остапа понесло». Я продолжала совершенно нагло: хорошо бы, мол, для начала привезти что-то в Ярославль уже сейчас – для закупки комиссии нашего музея, чтобы показать уровень коллекции. И мы начинаем по новой смотреть папку графики. Ашик сидит в кресле откинувшись и рассматривает меня. А я беру лист за листом, откладывая в сторону один, другой, третий...

Надо заметить, что у Музы Михайловны, как я потом узнала, был диабет, сладкого ей нельзя и с тем большим радушием она всегда угощала сладким гостей. Я смотрю эту папку в полной прострации от имен, которые передо мной, а Муза Михайловна меня потчует. Когда в очередной раз прозвучало: «Танечка, скушайте конфетку», я прореагировала абсолютно машинально. Скажи она мне в тот момент «Танечка, выпрыгните в окно», я бы, наверное, выпрыгнула. Короче, в ответ на приглашение протягиваю в очередной раз руку за конфеткой и впервые почему-то поднимаю глаза вслед за рукой. Смотрю, а конфеты лежат в старинной вазе, ужасно знакомой. Откуда? Да я же точно такую видела в Петергофе! Память подсказывает: компьютер на тагане, из сервиза императрицы. Я выдаю другие известные мне подробности, а Виктор Владимирович бросает взгляд на отобранные мной листы, и я слышу: «Смотрите, мадам, а вкус у девочки совсем не плохой!»

А я уже не могу остановиться: «Хорошо бы еще что-то из живописи...»

И тут же поняла, что зарываться не стоит, похоже, я сказала что-то лишнее и меня сейчас попросту выставят за дверь. К счастью, все закончилось благополучно. «Натюрморт с атрибутами искусства» Зинаиды Серебряковой и около ста листов русской графики были запакованы в какое-то домашнее покрывальце, и мы, не чуя под собой ног, повезли все это в наше питерское при-

станище, а потом – в Ярославль.

– Это ведь были самые первые вещи из коллекции Ашика, которые появились в нашем музее? Как их встретили здесь и как развивались отношения с Виктором Владимировичем дальше?

– По приезде я рассказала обо всем тогдашнему руководству музея, с этого все началось. Была намечена очередность приобретения экспонатов, оговорены сроки. Задумывалось многое: приезд четы Ашиков в Ярославль, устройство серии выставок... Но время распорядилось по-своему. 3 сентября 1985 года Виктора Владимировича не стало. Муза Михайловна пережила его только на 27 дней.

– Рассказывают, что часть коллекции после смерти Музы Михайловны была расхищена. Особенно пострадало нумизматическое собрание. Но большая часть сокровищ Ашика все-таки сохранилась и попала в наш музей во многом благодаря взаимопониманию с наследниками.

– Благодаря брату Музы Михайловны Олегу Михайловичу Тихомирову и его супруге Александре Сергеевне. Они понимали важность сохранения целостности собранного. И хотя видели, что каждая вещь оценена ниже нижнего уровня, все-таки пошли навстречу музею. Наши попытки извиниться на сей счет и вообще, когда дело касалось денежных вопросов, решительно пресекала. Александра Сергеевна отвечала в том смысле, что им и так хватит. Наш человек, что говорить.

– Тем не менее коллекция – весьма дорогое приобретение. Как удалось решить финансовую сторону дела? Один из участников тех событий назвал потом сделанное ярославцами целым «сражением» за коллекцию Ашика.

– «Сражение» началось тогда, когда до финансовой стороны дела было еще палкой не добросить. Я понимаю позицию Ленинградского главка культуры и позицию министерства, которые считали, что нам не по носу, не по чину такая коллекция. Это было уже после смерти супругов Ашиков. Один сотрудник министерства нас уговаривал: «Зачем вам это надо? Мы отстегнем вам что-нибудь другое, из классики – без всяких хлопот. А свяжетесь с коллекцией – будете сидеть в долговой яме». Но музей стоял на своем.

Когда мы все привезли, развесили, конечно, задумались. Напряглись. Все тогда решал обком партии. И вот однажды пришел Игорь Аркадьевич Толстоухов, первый секретарь обкома. Я не знаю его партийных дел, не знаю всего, что с ними связано, но одного его решения по Ашику достаточно, чтобы в каждый престольный праздник ангелы пели в его честь. Я подробно рассказала ему о коллекции. Он и его спутники походили, посмотрели, и он выдал: «Спасибо. Я думаю, двух мнений быть не может. Надо приобретать эту коллекцию для города. Иначе мы будем... (дальше шло слово не для печати)».

Финансирование было открыто целевое, областное. Так Ярославль стал обладателем ценностей, в числе них есть вещи, которых нет ни в Эрмитаже, ни в Государственном историческом музее – нигде. А фонды нашего музея удвоились. Очень помог питерские друзья Ашика – Захаров, Демешко, Бартошевич, которые знали его коллекцию, его взгляды и понимали, как важно сохранить ее целиком.

Татьяна ЕГОРОВА.